

и непатриотов. На формирование чувства патриотизма нетрадиционно верующих и атеистов оказывает непосредственное воздействие менталитет народа, проявляющийся на уровне бессознательного в человеке. Таким образом, их патриотизм все равно оказывается так или иначе соотношенным с традиционной культурой и с характерными для нее религиозными ценностями.

Список цитируемых источников

1. Пивоваров, Д. В. Философия религии : учеб. пособие / Д. В. Пивоваров. — М. : Акад. Проект ; Екатеринбург : Деловая кн., 2006. — 640 с.
2. Sobór Watykański II. Konstytucje. Dekrety. Deklaracje / Wyd. Pallottinum ; red. nauk. J. Groblicki [oraz inne]. — Poznań, 1992. — 426 s.
3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви : принята на Юбилейном Архиерейском соборе РПЦ 13—16 авг. 2000 г. — М. : Изд-во Моск. патриархии, 2000. — 160 с.
4. О свободе совести и религиозных организациях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 31 дек. 2002 г., № 137-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2002. — № 2. — 2/886.

УДК 130.2:392.72

В. В. Борисенко

Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», Могилев

ОПЫТ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ БЕЛАРУСИ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ СССР

Конец XX в. внес много нового в жизнь белорусского общества. Советский Союз, в состав которого входила БССР, перестал существовать. Беларусь встала на путь построения суверенного государства, одним из отличительных признаков которого является проведение самостоятельной внешнеэкономической политики.

В связи с распадом СССР, изменениями, произошедшими в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, прекращением деятельности Совета экономической взаимопомощи были разорваны сложившиеся в течение десятилетий внутрисоюзные и международные связи Беларуси. Перед молодым государством встала задача не только стать полноправным и уважаемым членом мирового сообщества, но найти и занять свою нишу в международных экономических отношениях. Процессы, происходившие в других странах, встававших в разное время на путь независимости, свидетельствовали, что интегрирование в мировую экономику является длительным процессом, требующим выработки долгосрочной экономической стратегии, структурной перестройки, коренного пересмотра форм и методов мирохозяйственных связей. В таких условиях использование приобретенного в послевоенные годы в Советском Союзе опыта экономического и научно-технического сотрудничества позволяло, с одной стороны, применить позитивные достижения, которые были наработаны в БССР, а с другой — избежать допущенных в свое время просчетов, сыграв, таким образом, важную роль в разработке новой внешнеэкономической стратегии независимой Республики Беларусь.

Необходимость изучения внешнеэкономических связей Беларуси в период существования СССР диктуется также тем, что изменения, которые произошли за последнюю четверть века, поменяли подходы к изучению советского прошлого, а новых фундаментальных исследований по данной проблематике крайне мало. В данной статье делается попытка ретроспективно переосмыслить опыт участия Беларуси в организации внешнеэкономической деятельности СССР в 1970—1980-е гг.

С момента образования Советского Союза в декабре 1922 г. к компетенции центральных союзных органов были отнесены все вопросы внешней политики. Но во время Второй мировой войны в связи с достигнутой договоренностью об образовании ООН появилась возможность расширить влияние СССР в этой организации за счет союзных республик. На X Сессии Верховного Совета СССР 1 января 1944 г. был принят закон, по которому за каждой республикой закреплялось право вступать в непосредственные отношения с иностранными государствами. В результате в 1945 г. Белорусская ССР вместе с другими 50 государствами-учредителями подписала Устав ООН. В 1958 г. при этой организации было создано постоянное представительство Беларуси. А к середине 1980-х гг. республика являлась участником уже более 70 международных организаций, учреждений и органов системы ООН [1, с. 149], подписала более 170 многосторонних международных конвенций, договоров и соглашений, ежегодно наши представители участвовали в работе около 100 международных конференций, совещаний, семинаров и симпозиумов, проводимых ООН и другими международными организациями, выступали соавторами проектов резолюции, в том числе по экономическим вопросам [2]. Однако, являясь составной частью Советского Союза, БССР должна была координировать всю свою внешнеполитическую деятельность. Тем самым ограничивалась самостоятельность республики в реализации ее прав во внешней политике. Подтверждением служит неучастие Беларуси в деятельности тех специализированных учреждений ООН, членом которых не являлся СССР, и неприсоединение ее к тем международным конвенциям и договорам, которые не подписал Советский Союз.

Тем не менее целый ряд государственных республиканских органов занимались вопросами торговли с зарубежными странами. Это были соответствующие отделы Госплана и Министерства иностранных дел БССР, Комиссия по вопросам внешнеэкономических связей при Президиуме Верховного Совета и Совета Министров БССР, Торгово-промышленная палата республики и Управление уполномоченного Министерства внешней торговли СССР при Совете Министров БССР. Они принимали непосредственное участие в подготовке государственных внешнеторговых планов и осуществляли руководство по их практическому претворению в жизнь. Но ни один вопрос в этой области не мог быть решен без предварительного одобрения ЦК КПБ. Количество и номенклатура экспортно-импортных товаров, развитие научно-технических связей, сотрудничество родственными по профилю предприятий, обмен специалистами, проведение международных конференций, симпозиумов, выставок — на все требовалась санкция партийных органов [3]. В связи с возросшим объемом внешнеполитических и культурных связей БССР с зарубежными странами в аппарате Центрального Комитета КПБ в 1972 г. был создан отдел, который специализировался на данном направлении деятельности [4].

Существование такой жесткой централизованной системы давало возможность государству, исходя из конкретной обстановки и политических интересов, контролировать такое важнейшее звено народно-хозяйственного комплекса, как внешнеэкономические связи. Всеми вопросами в этой сфере занимались специалисты, которые должны были со знанием дела ориентироваться в мировых ценах и конъюнктуре, знать покупателей и продавцов в своей области. Кроме того, глобальный контроль партии и государства за внешнеэкономической деятельностью был наиболее действенным регулятором этой сферы, так как материальные стимулы в СССР не смогли сыграть определяющую роль.

Но, с другой стороны, монополия внешней торговли привела к созданию громоздкого и неповоротливого бюрократического аппарата. Отдаленность от непосредственного производителя учреждений и людей, от которых зависело принятие окончательных решений, приводила к большому объему переписки, различного рода согласований между республиканскими и союзными органами, что, как следствие, мешало оперативности, затягивало сроки сделок, а нередко приводило к их срыву. Например, для того, чтобы предприятия или организации Беларуси могли приобрести экспонаты с проводившихся в Минске выставок иностранной техники, они должны были сделать предварительную заявку на закупку через Госплан БССР в Главное управление по импорту машин и оборудования Министерства внешней торговли СССР. После этого Госплан республики перечислял деньги, а Главное управление Министерства внешней торговли СССР оформляло поручение Всесоюзному внешнеторговому объединению соответствующего профиля на приобретение оборудования. И только после заключения контракта представителями этого объединения покупатель мог произвести приемку от иностранной фирмы необходимого ему товара. Ввиду своей многоступенчатости такая система не могла работать без срывов.

Тормозом в развитии экспортных отраслей промышленности Белорусской ССР была существовавшая система материальной заинтересованности предприятий. Согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 776-257 от 10 августа 1967 г. производителям товаров для продажи на внешнем рынке отчислялось 4% фактических валютных поступлений от экспорта машин, оборудования, приборов, инструментов, запасных частей и машиностроительных изделий бытового назначения по крупносерийной продукции, 6% — по мелкосерийной и индивидуального изготовления, а по всем другим видам товаров — лишь в размере до 1%. При этом 25% от данной выручки изымалось ведомством: если предприятие находилось в союзном подчинении, то министерством соответствующей отрасли народного хозяйства СССР, а если в республиканском, то Советом Министров союзной республики. Они должны были использовать данную валюту на мероприятия по увеличению экспортных ресурсов и улучшению качества экспортной продукции во всей отрасли [5]. Совместное постановление № 706-232 от 19 августа 1976 г. определило, что уже 50% валютных отчислений следовало передавать в распоряжение министерств и союзных республик, а остальные 50% должны были поступать на счета непосредственных производителей [6].

Таким образом, в распоряжении предприятий, расположенных на территории БССР и выпускающих товары на экспорт, оставалось от 0,5 до 3% фактической стоимости вывезенной продукции. Основные производители экспортных товаров в Беларуси находились в союзном подчинении (в 1974 г. на долю предприятий союзного подчинения пришлось 71,6% всего экспорта БССР [7]), поэтому и отчисления в пользу республики были небольшими.

В таких условиях основным источником валюты, поступающим в распоряжение правительства Белорусской ССР, являлся сверхплановый экспорт. Тем же совместным постановлением 1967 г. было определено, что союзным министерствам и ведомствам (если предприятие в союзном подчинении), советам министров союзных республик (если в республиканском) будут передаваться до 80% валютной выручки от продажи тех видов продукции, которые не предусматривались в экспортном плане (в течение 4 лет с момента экспорта такой продукции), и до 50% — от продажи сверх намеченного объема продукции, входящей в номенклатуру плана [8]. С 1976 г. такие выплаты стали составлять 100% валютной выручки от продажи за границу товаров сверх плана [9]. Тем самым создавалась заинтересованность республиканского руководства в увеличении выпуска соответствующей продукции на экспорт и его стимулирующего воздействия на предприятия, производящие такие товары. Результатом стал ежегодный рост такого рода экспорта, а БССР по объему отчислений валюты вышла в 70-е гг. на третье место среди союзных республик [10].

В свою очередь эти валютные средства, перечисляемые на счет БССР, распределялись между предприятиями, выпускающими экспортную продукцию, а также министерствами, которые не участвовали в образовании валютного фонда. Согласно нормам, которые были утверждены распоряжением Совета Министров БССР от 11 марта 1974 г. № 145р, в фонд производителей товаров, продаваемых за рубеж, должно было поступать не менее 50% этих средств [11]. Тратились они в основном на приобретение необходимого импортного оборудования.

Важной особенностью внешнеэкономической деятельности Беларуси, как и в целом СССР, являлась ее директивность. Планирование, особенно перспективное, долгосрочное, является неотъемлемой частью хозяйственной деятельности любого государства. При научно обоснованном подходе к составлению планов и при быстром реагировании на меняющуюся конъюнктуру экономика с подобными элементами планирования имеет несомненные преимущества. Но в Советском Союзе составление плановых заданий происходило директивным методом, зачастую с нарушением экономических законов, а во внешней торговле — с использованием искаженных ценовых пропорций. Поэтому директивно-плановая система управления сотрудничеством с зарубежными странами, особенно в торгово-экономической сфере, оказывала в определенной степени отрицательное воздействие. Так, постановление ЦК КПБ и Совета Министров БССР от 2 ноября 1976 г. обязывало министерства и предприятия обеспечивать предусмотренные плановыми заданиями поставки товаров для экспорта в первоочередном порядке, независимо от уровня выполнения планов производства соответствующих видов продукции и поставки их другим потребителям [12]. В результате из рыночного фонда Беларуси, начиная со второй половины 1970-х гг., ежегодно изымалось для продажи за рубеж товаров на сумму более чем 12 млн р. [13]. А это была продукция, которая пользовалась повышенным спросом у населения, целый ряд изделий из этого списка надолго попал в разряд дефицита [14].

Расчеты в плановой системе приводили и к другим парадоксальным ситуациям: при освоении новой прогрессивной продукции, дающей значительный эффект для экономики страны и пользующейся спросом на мировом рынке, предприятия ухудшали свои основные плановые показатели и несли убытки. Уже в начале 1970-х гг. экономисты отмечали, что на заводах в первые годы выпуска новой продукции сокращается уровень рентабельности, и они оказываются в худших условиях, чем те, которые производили ранее основную продукцию [15, с. 34—35]. Однако выводы из этого сделаны не были. В 1984 г. в подобное положение попал могилевский завод «Электродвигатель», которому был доведен план прибыли исходя из достигнутого уровня предыдущего года. В нем не учитывалось, что завод увеличил выпуск электродвигателей улучшенной характеристики, а их стоимость за счет уменьшения металлоемкости ниже, чем у прежних образцов. В итоге коллектив предприятия не выполнил план по прибыли [16]. Все это отразилось на размере премий работников завода и на их заинтересованности в дальнейшем совершенствовании своей продукции.

Можно констатировать, что экономические связи Беларуси с зарубежными странами являлись прерогативой Правительства Советского Союза. Предприятия и организации БССР не могли напрямую выходить на мировые рынки. Посредником всегда выступали всесоюзные внешнеторговые объединения, а все финансовые операции осуществлялись через Внешторгбанк СССР. Республиканские органы принимали участие в подготовке внешнеторговых планов и осуществляли непосредственное руководство по их практическому воплощению в жизнь. Однако громоздкий бюрократический аппарат не всегда был в состоянии оперативно реагировать на быстро меняющуюся мировую экономическую конъюнктуру.

Чтобы Белорусская ССР активно участвовала и в более полной мере использовала потенциальные возможности выхода на внешние рынки, необходимы были изменения в системе организации внешнеэкономической деятельности, предоставлении большей свободы непосредственным производителям и республиканским органам власти. Это понимало руководство страны, но конкретные шаги стали предприниматься только во второй половине 80-х гг. В 1986 г. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию управления внешнеэкономическими связями» с 1 января 1987 г. крупнейшим предприятиям страны было предоставлено право непосредственно осуществлять экспортно-импортные сделки, в их числе ПО «Минский тракторный завод им. В. И. Ленина», «БелавтоМАЗ», «Станкостроительный завод им. Октябрьской революции» и ПО «Атлант» [17, с. 104—105].

Важную роль в решении всех вопросов внешней торговли играл ЦК КПБ. Партийные органы осуществляли и полный контроль за этой сферой деятельности. Поэтому внешнеэкономическая стратегия зависела от идеологических интересов, что иногда шло в ущерб экономической целесообразности.

Существовавшая в СССР директивно-плановая система управления экономикой не позволяла в должной мере использовать все возможности внешнеэкономической деятельности. Отсутствовали действенные механизмы для поощрения развития внешней торговли. Волонтаризм при составлении планов нередко отражался в виде дефицита целого ряда товаров, которые вывозились за пределы республики.

Список цитируемых источников

1. *Снапковский, В.* «Мы, народы Объединенных Наций...»: об участии Беларуси в деятельности ООН / В. Снапковский // Неман. — 1995. — № 10—11. — С. 139—158.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4. Оп. 81. Д. 2655. Л. 197—198.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4. Оп. 81. Д. 2632. Л. 96.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4. Оп. 82. Д. 2454. Л. 109.

5. Государственный архив общественных организаций и движений Могилевской области (ГАООиДМО). — Ф. 9. Оп. 81. Д. 58. Л. 48.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4. Оп. 81. Д. 2703. Л. 41.
7. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ). — Ф. 31. Оп. 9. Д. 2855. Л. 131—140.
8. Государственный архив общественных организаций и движений Могилевской области (ГАООиДМО). — Ф. 9. Оп. 139. Д. 58. Л. 47.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4. Оп. 81. Д. 2703. Л. 41.
10. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ). — Ф. 7. Оп. 5. Д. 3831. Л. 75.
11. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ). — Ф. 7. Оп. 5. Д. 5046. Л. 93.
12. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4. Оп. 82. Д. 2703. Л. 45.
13. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ). — Ф. 7. Оп. 5. Д. 4598. Л. 214.
14. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ). — Ф. 31. Оп. 9. Д. 2085. Л. 93.
15. Дронов, Ф. А. Достижения науки — производству / Ф. А. Дронов, М. Н. Шатохина. — Минск : Беларусь, 1974. — 63 с.
16. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4. Оп. 157. Д. 1. Л. 41.
17. Белорусская ССР и социалистические страны: укрепление дружбы, сотрудничества, братства (1945—1987 гг.) / Г. Г. Сергеева [и др.]. — Минск : Наука и техника, 1987. — 302 с.

УДК 130.2:392.72

Е. Г. Бортников¹, М. В. Будько²

¹Запорожский национальный университет, Запорожье, Украина

²Мелитопольский государственный педагогический университет имени Богдана Хмельницкого, Мелитополь, Украина

ОБРЕТЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТРАДИЦИОННЫХ РИТУАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ (НА ПРИМЕРАХ ГОСТЕПРИИМСТВА)

Особенности мирового развития в начале III тыс. сфокусировали общественный интерес на этнических и межэтнических проблемах, связанных с колоссальным обострением культурных противоречий, напряженности, вплоть до открытых кровопролитных конфликтов и войн, которые подводят человечество к опасной черте. Сложные условия современной жизни актуализируют проблему изучения общечеловеческих и национальных ценностей, среди которых важную роль играют этнокультурные архетипы. Они составляют основу духовно-нравственного развития общества, влияют на общественное сознание и национальное самосознание и, соответственно, на культурную, национальную, этническую самоидентификацию. К явлениям, которые подлежат первоочередному осмыслению, следует отнести и гостеприимство, которое существовало издревле как один из базовых элементов морального кодекса любого народа [1, с. 12], а в глобальную эпоху превращается в одну из определяющих моральных категорий мировой цивилизации, актуализируя вопросы о частных и общественных формах приема иностранцев, о природе и самом существовании границ между государствами, о критериях национальной принадлежности, о возможности принадлежать одновременно к нескольким культурным и политическим общностям [2, с. 71] и др.

Законы, обычаи, традиции и литературные образы гостеприимства изучаются в междисциплинарном контексте, с позиций антропологии, философии, семиотики, социологии, этнографии, истории, литературоведения, а также экономики, практической политики, идеологии и права. В целом внимание к этой общественной практике особенно остро обнаруживает себя в моменты кризиса, когда либо формируется национальное государство, либо происходит процесс глобализации (как ныне): национальное государство определяет состояние «у себя дома», а тем самым обостряет и чувства изгнанных, лишенных паспорта, их нужду в пристанище, которую современный мир не в силах удовлетворить [3, с. 62]. Негостеприимность к человеку современного конфликтного мира побуждает к осмыслению традиционных нравственно-культурных практик, привнесших на разных этапах культурогенеза упорядоченность в процессы межчеловеческого взаимодействия. И все чаще такой поиск приводит к традиционным ритуальным практикам, способным гармонизировать человеческую психику (Юнг), интегрировать и поддерживать целостность человеческих коллективов (Малиновский, Дюркгейм), аккумулировать и хранить накопленный поколениями опыт совместного бытия людей.

Идеологический фон гостеприимства составляет теофания — мифологическое представление о том, что Бог в человеческом обличье ходит по земле. «Гость — Бог в доме», «гость в дом, а Бог в доме», — говорили наши предки [1, с. 113]. Осетины до сих пор встречают появление гостей словами: «Гость — Божий гость». По адыгейской пословице, имеющей многочисленные параллели у других народов, «гость — посланник Бога». В некоторых языках *гость* и *чужак*, *иностранец*, *иноземный купец*, *пришелец* обозначаются словами того же корня, а слово для обозначения *гостя* может касаться *Бога*, а может обозначать (позднее) и *враждебного иностранца*, *врага*; в восточнославянских языках *гость* сродни хозяину (*господарь*) и *Господу* [4, с. 517]. Итак, в различных древних традициях *гость* рассматривается как потенциально сверхъестественное существо, как Бог или демон в человеческом обличье; другими словами, изначально любое гостеприимство имеет дело с «иным» миром [6, с. 75].